

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

**ШИМУН ВРОЧЕК
ВЛАДИМИР МИСТЮКОВ**

**ДОКТОР
ЧИСТОТА**

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В82

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Врочек, Шимун.

В82 Доктор Чистота / Шимун Врочек, Владимир Мистюков. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом).

ISBN 978-5-04-170686-9

Это все равно что вырвать у живого человека сердце. Серийный убийца и маньяк по прозвищу Доктор Чистота (свидетели утверждали, что от него всегда пахнет моющим средством) похитил и спрятал жену полицейского Свечникова. Никто не знает, где несчастная женщина, жива ли она вообще. Маньяк задержан, но молчит. Свечникова не допускают к допросам, и он уже на грани полного отчаяния.

От безысходности полицейский устраивает извергу побег, прячется с ним в заброшенной больнице. Теперь никто не помешает вырвать у Доктора Чистоты правду.

Но маньяк правду не выдает, а... продает ее полицейскому по кусочкам. Цена — немислимая, чудовищная, нечеловеческая. Но на что способен пойти полицейский, чтобы вытянуть у садиста информацию о своей жене? Как выяснилось — на всё.

Теперь они заодно — Доктор Чистота и полицейский. Они оба пойдут до конца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170686-9

© Врочек Ш., Мистюков В.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Часть 1

ПРОЛОГ

Женщина в лесу

Она проснулась от сильнейшего чувства, что он — чужак, страшный человек, пахнущий «Белизной» так, что слезились глаза, — рядом. И тут же поняла, что никого рядом нет. Она одна. И даже запах хлорки ей почудился. Она уловила влажный аромат прелой листвы, тонкий запах фекалий от ржавого унитаза в глубине Пещеры, и на мгновение, на вечность, на целых две минуты почувствовала облегчение.

Жива.

Никого нет рядом.

Одиночество сейчас означает жизнь. В глубине Пещеры — она привыкла называть это пещерой, хотя это было рукотворное помещение, низкий квадратный короб из бетона и сырого выщербленного кирпича, — жило робкое эхо ее движений, шагов, ее дыхания и стонов. Ее призрачный двойник, зеркалящий каждое ее движение. Изображающий ее. Передразнивающий.

Иногда этот двойник, другая она, начинал бегать, кричать, выть и царапать стены ногтями. В такие моменты она словно смотрела на себя со стороны.

Как страшно и безнадежно она кричит. Как жалко и смешно.

Как глупо.

Остатки сна ушли. Сон был спасением здесь — лежать и лежать, спать часами, днями и неделями. Но она знала, что не может себе этого позволить. Потому что однажды

не проснется. Призрачный двойник, другая она, подберется к ней, спящей, прыгнет на грудь — белесая, корявая, в лохмотьях ночной рубашки — и задушит ее.

Озноб пробежал по плечам, разлился по спине. Она поежилась.

Она открыла глаза и некоторое время лежала, глядя в потолок. Бледный свет мягко покачивался, перебегая от стены к стене. И моргал. Здесь, в Пещере, были сквозняки, иногда они доносили запахи внешнего мира — леса, земляники, мокрого дерева, дождя: больше всего она любила этот запах, словно пришедший из детства, — и изредка резкую синюшную вонь автомобильного выхлопа.

Она откинула одеяло, села на койке. И едва сдержала стон.

Тело занемело, левая нога совсем затекла. В последние дни из-за сырости и чего-то еще... нехватки витаминов?... она опухла, опухли руки и ноги. Она привыкла к постоянному холоду, но ломота в суставах стала неприятным сюрпризом. Словно их и так мало, этих неприятностей.

Сколько она уже здесь? На это есть ответ. Сейчас, сейчас... Она соберется с силами и дойдет до него.

Иногда по утрам становилось так холодно, что зуб на зуб не попадал. Сегодня было еще ничего — видимо, в лесу потеплело. Лето. Подземная сырость вытягивала остатки тепла из ее тонкого тела. Даже одеяло не спасало: она укуталась потеплее. По телу пробежала крупная, жестокая дрожь. Суставы словно ледяные хрупкие шары, которыми кто-то играет в опасную игру в боулинг. И они вот-вот разобьются друг о друга на мелкие стеклянные осколки. Она мучительно закашлялась. Выплюнула мокроту.

Она вдруг вспомнила, как до всего этого мечтала похудеть, сбросить три-четыре килограмма. Может, даже шесть. Шесть было заветной мечтой — чтобы выглядеть как в телевизоре. А сейчас она настолько исхудала, что трудно спать — во сне ребра словно врезаются в камень.

ДОКТОР ЧИСТОТА

А потом все кости болят. Все кости, без исключения. Она смертельно похудела. Сколько это в килограммах? Десять? Пятнадцать? Бойся своих желаний.

Призрак заплакал в другом углу Пещеры.

Она вздрогнула, правое плечо заледенело так, что повисло тяжелым свинцовым грузом. И поняла, что сама плачет.

Дорожки слез на щеках теплые, горячие. Хорошо. Приятно все-таки хоть что-то чувствовать, кроме боли и отчаяния...

Пора умываться и завтракать. Она поставила себе задачу — выжить во что бы то ни стало. Назло страшному человеку с запахом «Белизны». Назло сырости, боли и холоду. Назло хнычущему призраку ее самой.

Выжить, чтобы... чтобы...

Она остановилась. И вдруг с отстраненным, и оттого еще более безжалостным, ужасом поняла, что не знает зачем. Чтобы вернуться к нормальной жизни? К мужу? К теплу?

«Муж... и что? Нормальная жизнь?» Она с трудом держала себя в руках. Она уже не помнит, как выглядит нормальная жизнь. Тепло?!

Да, тепло бы ей не помешало. Вот, отличная цель. Что будет, когда лето закончится и наступит осень? В Пещере обогревателей нет. Или человек-«Белизна» и это предусмотрел? А там и зима... Что если она так не сумеет отсюда выбраться?

Острый укол паники на мгновение парализовал ее. Она собралась и усилием воли (нет! не-ет! не-е-е-е-ет!) отбросила эту мысль. Ее найдут. Муж найдет. Что-что, а искать людей он умеет.

Страшного человека с запахом «Белизны» поймают. Не вечно же ему скрываться?..

Она вспомнила момент, когда это случилось. Когда ее похитили.

Человек оказался за спиной. Она почувствовала холодный жар его тела, едкий тонкий запах хлора — и страх. Страх был еще маленький, неловкий, смущенный.

Она вдруг вспомнила слова мужа. Он редко что-то рассказывал ей, поэтому она запомнила. Муж сказал, что большинство жертв серийных маньяков могли бы спастись — если бы отказались делать то, о чем просили убийцы. Так просто — скажи «нет», закричи, беги. Но жертвам было... неловко. Они смущались. Вот так. Тогда ее это поразило до такой степени, что накатила тошнота. Чувство неловкости, боязнь показаться невоспитанной, ой, простите — и вот ты уже свисаешь с мясного крюка, а тебя трахают сзади, прежде чем пытаться, освежевать, убить и, может, даже съесть.

Она вспомнила это в секунду — и вдохнула, чтобы закричать. Чтобы выкричать к чертовой матери эту неловкость. Она не воспитанная девочка с белыми бантиками. Она — жена полицейского. Она — человек, а не кусок мяса!

Но в следующее мгновение человек прижался к ней сзади — почти интимно, хотя ничего плотского в его объятиях не было. Его ладонь скользнула по шелку ночной рубашки и легла ей между ног. И даже это не было сексуальным посягательством... вообще не ощущалось, как человеческий жест. Это было жутким актом присвоения. Не человека даже. Вещи.

И почувствовав на себе эту холодную ладонь, она онемела. Язык отнялся, колени подкосились. Она не могла кричать.

Ее маленький робкий страх превратился в огромного кровавого зверя. И проглотил ее без остатка. Ам.

Теперь она здесь. «Зато я буду знать, что в моей смерти виновато мое воспитание». Нина сухо, безжалостно засмеялась. Удивительно, но спустя столько времени заперти ее чувство юмора не исчезло, а, наоборот, обостри-

ДОКТОР ЧИСТОТА

лось. Теперь им можно было резать колючую проволоку и вскрывать вены.

Она спустила левую ногу вниз, поставила на каменный пол.

Холод — неумолимый, жестокий — пронизывал ступню до колена. Словно ледяной стальной штырь. Заполнял плоть изнутри.

Она застонала, стиснула зубы. И сбросила вниз вторую ногу. Боль в растрескавшейся пятке заставила ее выгнуть-ся. Она вскрикнула и одернула себя.

Нет, больше никаких криков. Ничего. Ничего.

Она усилием воли поднялась, от боли на глаза навернулись слезы.

* * *

В тот день она гладила белье. Рубашки мужа, растянутые, но любимые. Футболки. Все огромное — ее муж высок и широк в плечах.

«Он найдет меня». Она хотела в это верить и верить — даже сейчас, после сотни белых царапин на стене — эта вера жила в ней, как... как болезнь. Как раковая опухоль.

Она чувствовала, как метастазы этой надежды пронизывают ее тело насквозь, парализуют, ослабляют волю.

«Что я могу сделать?!» Что она могла сделать?

«Я могу только ждать». Он рано или поздно ее найдет.

Что-то, а это он умел. Находить людей. И... делать им больно.

Она вдруг представила, как он находит человека-«Белизну» и что из этого выйдет. На короткое мгновение ей стало жарко.

Ненависть — хорошая штука. Ненависть дает много тепла. Ненависть согревает.

О, что бы он сделал с человеком-«Белизной»... Тут пригодились бы его бешеные вспышки ярости!

Она всегда чувствовала в муже некий изъян. Недостачу. Словно тайком вынесенные из магазина кусок мыла, пара помидоров, бутылка дешевого (три звездочки, Дагестан, запах клопов) коньяка.

Вот такой он, ее муж. Сильный снаружи. Но слабый. Словно внутри огромной башни, внутри железобетонной конструкции установлены прогнившие деревянные перекрытия. Однажды она увидела в его бумагах фотографию, вырезанную из газеты. Старое здание за выщербленным кирпичным забором, заросшее крапивой и репейником. От здания веяло чем-то древним — и неприятным. Точно запах нашатырного спирта, зеленки и старого гноя на желтоватом кусочке старой ваты.

«Нина», — услышала она голос мужа. Вздрыгнула — и оглянулась, настолько этот голос показался ей реальным.

Но нет... В Пещере только она.

Нина не знала, откуда взялось это ощущение. Этот запах. Но муж ее тогда здорово напугал.

Зачем он хранил эту пожелтевшую вырезку? Что это значило для него?

И что это означало для нее самой?

Она так ничего и не сказала мужу.

А через несколько дней пришел человек-«Белизна».

* * *

На снимке было четверо.

Троих она хорошо знала — и двоих из них не любила. Особенно начальника мужа — громогласного смешливого фанатика охоты. Начальник обожал охоту словно напоказ. Вот смотрите, это моя слабость. Он казался пародией на стереотипного начальника полиции — но при этом не был тупым или бестолковым, а был умным и жестким под этой маской. Вторым был муж. Да, она не любила его, давно уже не любила...

Скорее боялась.

ДОКТОР ЧИСТОТА

И только красивая светловолосая женщина вызывала у нее нечто, похожее на симпатию. На снимке та была моложе и далеко не такая... стильная, что ли? Странно, по идее, она должна была не переносить друзей мужа — друга-женщину точно, но, наоборот, только с ней у Нины возникло нечто вроде настоящей приязни.

Однажды, подвыпив, муж рассказал, что они все были знакомы задолго до службы в милиции... тогда еще милиции. «Святые девяностые», сказал он. Муж говорил с жутковатой кривой усмешкой, без выражения — и она снова почувствовала смутный беспричинный страх.

Конечно, тот страх был совсем еще не страх. В сравнении с нынешним тогда была легкая нервозность. Ха-ха. Смешно.

Однажды, на одном из совместных вечеров, когда мужчины допивали третью бутылку, спорили и кричали, сидя на кухне, а потом порывались петь идиотские песни, Нина вместе со светловолосой переглянулись и ушли в гостиную. С бутылкой текилы и парой ярко-зеленых лаймов. Они слизывали соль и пили прозрачную мексиканскую водку, а лайм разливал на языке кисло-сладкую горечь. Они болтали и смеялись, как две подружки. Потом включили музыку и танцевали в полутьме. Глаза светловолосой мерцали странно и завораживающе. Пошел медляк, Леонард Коэн утробным шепотом попросил «Dance me...», и они, дурачась, прижались друг к другу. Затем Нина почувствовала, как рука огладила ее бедра. А потом светловолосая притянула ее к себе и прижалась губами к губам.

Это был... странный вечер. Да.

Она провела пальцем по губам. Рассохшиеся, растрескавшиеся. Нижняя лопнула. Выступила капля крови.

Нина часто вспоминала тот вечер. Вернуться бы обратно, отмотать время назад, как в фантастических фильмах. И снова танцевать под медляк. И чтобы низкий хриплый голос Леонарда Коэна отдавался иголочками в животе.

Dance me... to the end of time... Танцуй со мной... до конца времен...

Чтобы ничего этого не было.

«Я, наверное, сейчас совсем страшная, — подумала она. — Может быть, даже хорошо, что я этого не вижу». В Пещере нет зеркал. «И хорошо, что светловолосая меня не увидит».

И вдруг ей страшно захотелось найти зеркало.

* * *

Записка от человека-«Белизны»:

Здесь есть все необходимое. Лейкопластырь, если вдруг порежешься открывашкой. Запас открывашек...

Она бросила взгляд на древнее ведро, полное ржавых открывашек, — и засмеялась. Кажется, с каждым днем ее чувство юмора становится все тоньше. Раньше это не казалось ей смешным. Ха-ха.

Она стала читать дальше — словно не знала это письмо наизусть:

...еще я приготовил для тебя одеяло. Даже два — здесь бывает холодно.

Заботливый, скотина. Только о подушке он не подумал. Второе одеяло Нина сворачивала и клала под голову. Иначе от кирпичей шел могильный холод, жесткий и пронизывающий — прямо в мозг. Как болит голова. Как болит!

Как болит вообще все!

Пора сделать отметку. «Или...» Нина вдруг замерла, от мгновенного испуга заледенел затылок. «...Или я ее уже сделала?»

Она заставила себя успокоиться. Надо же, наконец пригодилась дыхательная гимнастика, которую она осваивала на занятиях йоги.

Вдох, задержать дыхание. Медленный выдох. На счет. Еще раз.

Пять, семь, пять.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Она начала мысленно отматывать время назад, вспоминая свои шаги.

Нет, кажется, она даже не подходила к стене. Нет, точно не подходила.

Нина вздохнула.

Раньше ей казалось логичным, что в фильмах про тюрьму или необитаемый остров герой всегда делает зарубки. Отметины на стене, на дереве, на камне... на собственной руке. Неважно. Это было логично и просто — отмечать дни, которые ты провел в заточении. Как иначе ориентироваться во времени, если у тебя нет календаря? Время, проведенное в одиночестве, — «тюремное время» — тянется бесконечно и аморфно. Стоит ввести точку отсчета и методично отмечать прошедшие дни. Это порядок. Спокойствие. Это проявление собственной воли, сопротивление обстоятельствам. Пять черточек — равно пять дней, что я провел в вашей долбаной камере. И осознавая это, я проявляю свою свободу.

Я свободен внутри себя — даже в тюрьме.

Тогда это казалось логичным. Она усмехнулась с горечью. Все просто — один день, одна отметка. Семь отметок — неделя. Что может быть проще?!

На самом деле все оказалось сложнее.

Память в замкнутом помещении работала не так, как обычно. Все в тумане. Размыто, как акварельный рисунок после дождя. Ты проснулась, пошла, нацарапала черточку — день. А через пять минут ты вернулась, смотришь на стену — черт, черт, черт, жопа, жопа, жопа — и уже не понимаешь, отмечала сегодня день или это было вчера. Как узнать?!

Память отсырела в Пещере — и крошилась, как старая размякшая штукатурка. Нет ничего постоянного. Есть только разрушение. Энтропия. Погружение в хаос.

Да, слово «энтропия» она еще помнила. Нина бросила взгляд на стену. Еще одна черточка... или это было вчера?!

Она попыталась отмотать время мысленно назад, двигаясь по шагам — мелко-мелко. Вот она подходит к стене, царапает... вот идет назад к кровати... Вот садится — ноги колют тысячи булавок. Стон, и она снова ложится. Все болит, все тело.

Тысячи иголок. Она застонала снова.

И вот эта зыбкость памяти, восприятия — то, что вчера еще казалось таким прочным, — заставляла ее чувствовать себя бессильной. «Шторы в доме больного разума всегда задернуты...» Кажется, так писал один из античных философов? «Сенека Младший? Не помню, не помню. Весь мой филологический к чертям». Действительно, зачем похищенной домохозяйке филологический?

Стоп. Она с нарастающей паникой поняла, что ее беспокоит.

«Разве у древних греков были шторы?» Мысль пронзила ее насквозь, как разряд молнии, пробежала дрожью по телу.

Даже в такой мелочи она не может доверять себе. Все нужно проверять.

Она наконец сообразила. Рокот, что она приняла за гул в больной голове, давящий, раздражающий, беспокойный... Это не голова. Это *мотор*. Двигатель машины на ули... Боже! Она вскочила.

Синюшная нотка в запахе с улицы, которую она уловила раньше, но решила, что ей показалось. Бензиновый выхлоп!

Она бросилась к двери Пещеры. С разгона ударилась в нее, как птица, пытающаяся вырваться на свободу и раз за разом бьющаяся об оконное стекло. Дверь осталась неподвижной — как и много раз до этого. Нина догадывалась, что человек-«Белизна» подпер ее чем-то снаружи.

Она прижалась глазом к крошечной щели. И — увидела. Среди огромных деревьев, среди берез и сосен мелькнуло желтое пятно. Исчезло — и опять показалось вдали.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Древние «жигули» советских времен. Где-то там проходит дорога — метров сто, сто пятьдесят? Не так далеко. Навероятно близко! «Они могут меня услышать». Если ветер дует в нужную сторону...

Она закричала.

Она кричала, пока не сорвала голос. Царапала дверь ногтями, рычала, кричала, умоляла, просила, угрожала, билась в дверь всем телом. Вопила, как безумное привидение.

Но все было бесполезно.

«Жигуленок» исчез из поля зрения. Повернул по невидимой дороге и скрылся за стволами деревьев. Несколько секунд Нина еще слышала рокот его двигателя, затем исчез и он.

Нина села на ледяной пол, посмотрела на свои окровавленные пальцы и завывала.

ГЛАВА 1 Машина

Грязный пыльный УАЗ-«буханка» вылетел из-за угла и на скорости пронесся по пустынной в ранний час улице.

Радио играло во всю мощь. Грохот рвался из приоткрытого окна. Голос, искаженный плохими динамиками, выводил:

«Ключ поверни и полетели... Нужно вписать в чью-то тетрадь...» Водитель, кажется, хотел выключить радио, но не рискнул оторваться от баранки. Рев динамиков разлетался по улице, тонул в пыльных кронах тополей и отражался от серых стен пятиэтажных домов.

Старик вступил на пешеходную «зебру» и неторопливо пошел, даже медленней, чем ходил обычно. Это был его старый трюк. «Ты будешь беситься, но ждать, пока я ме-е-едленно перехожу дорогу».

Но «буханка» и не думала сбавлять скорость. Она неслась на Зверева — и тот вдруг почувствовал страх. Ноги ослабели, редкие седые волосы на затылке встали дыбом. Словно машина задумала его убить. Обычно добродушная морда «буханки» — с круглыми фарами, словно вечно удивленными — вдруг показалась Звереву зловещей. Раздавить всмятку — вот что машина хочет. Страшным ударом подбросить изуродованное тело над мостовой, так, что очки улетят в одну сторону, крутятся и сверкая в лучах утреннего солнца... А тело полетит в другую. Не тело — мешок с костями... Зверев взмок, ускоряя шаги, и успел мысленно умереть, пока машина приближалась... Ближе. Ближе... О боже!

В последнюю секунду он успел выскочить из-под колес. Эххх. Его чуть не сбило воздушной волной, развернуло и дернуло. Старик с трудом удержался на ногах. Палка заскрипела, когда он налег на нее всем весом.

— Урод! — запоздало закричал Зверев. — Скотина! Напьются пьяные и ездят! Дебил!

Он хотел погрозить вслед тростью, но боялся не удержаться на ногах. Суставы таза яростно ныли.

Он открыл рот, закрыл. Пожевал пластиковыми челюстями. Прошло уже полгода, как их поставили в бесплатной клинике, за государственный счет, а они все еще натирали десны до крови.

Он пожевал челюстями — назло.

«С нашим государством ты вечно будешь чувствовать привкус крови во рту», — желчно подумал он.

— Дебилы! — крикнул он, уже без злости. Все-таки погрозил палкой.

И вдруг замер. Он увидел, как вдалеке «буханка» затормозила и начала разворачиваться. Зверева окатило холодом. Он повернулся и быстро заковылял обратно через переход. Домой, домой.

«Везде психи. Просто везде».

ДОКТОР ЧИСТОТА

* * *

«Чуть не сбил», — отстраненно подумал Денис. Мысль не пробилась сквозь усталость, окутавшую его, а ударилась в нее и заскользила по поверхности, точно по льду. «Ну и черт с ним» — следующая мысль тоже была отдаленная и равнодушная. Когда темная фигурка появилась на дороге, измученный мозг не среагировал, чтобы дать телу сигнал о торможении.

«Я сейчас усну». Он вскинулся в последний момент, открыл глаза. Улицу начало клонить влево... Стоп!

Он нажал на тормоз, останавливая машину, чувствуя, как темнеет в глазах. Так, спокойно. Никакой паники. Он вдохнул глубоко, задержал дыхание — и выдохнул, медленно и плавно. Если делать это упражнение достаточно долго, организм перестанет думать, что умирает. Теоретически.

Он повернулся и заглянул назад, в салон. Вокруг ревели и грохотало, как в чудовищной жестяной банке.

— Аня, ты как? — спросил он. Потом сообразил и выключил магнитолау. Стало тихо — и жутко. Оказывается, весь этот грохот и рев помогал ему не думать, не вспоминать, отодвигал страх и боль в другую реальность.

— Аня?

— Н-ни...

Аня дышала быстро и поверхностно — и это тоже было неправильно. Возможно, повреждение легкого, пневмоторакс... или как его там? Или шок.

— Что? — спросил он. — Тебе что-то надо? Скажи, Аня!

— Н-ничего, — она говорила едва слышно, словно шелестящий на последнем издыхании вентилятор. — П-по... еали... — Аня устало прикрыла веки.

«Она уже почти не может говорить».

Денис увидел, какая Аня бледная. Смертельно бледная. По-хорошему ей надо как можно быстрее в больницу. Он

покачал головой. Навигатор не работает, телефоны потеряны или разряжены, а он знает только путь до «ментовки».

Глаза закрывались. Денис боялся, что в один прекрасный момент просто заснет за рулем от усталости и перенесенного стресса («давайте, дамы и господа, сделаем ЭТО!») и врежется в ограждение или припаркованную машину. И конец.

«Не худший вариант», — подумал Денис. Все так же, из другой галактики. Не худший точно.

И тогда точно все закончится.

Он разозлился на себя, прикусил губу — рот наполнился железистым вкусом крови.

Он посмотрел на свою руку, замотанную грязной тряпкой. Сквозь нее проступала кровь, уже подсохшая. Рука лежала на руле, на черной гладкой баранке. Кажется, рука теперь неправильной формы. И это навсегда.

«Я ненавижу всех». Он выжал сцепление, потянулся к рычагу коробки передач. С хрустом, враскачку, вогнал вторую скорость. Боль в изуродованной руке разгоняла туман перед глазами. «Нет времени на раскачку... ха-ха». Чуть добавил газа — двигатель взрыкнул. Денис медленно отпустил сцепление.

«Буханка» дернулась, нехотя переварила вторую скорость — и поехала.

«Ненавижу всех...»

И себя, подумал Денис, продолжая вести машину. «Больше всего я ненавижу самого себя». Трус.

«Хотя, возможно, мне давно стоило бы понять, какая я сволочь и мелкий жалкий мудака... и принять себя. Как во всех этих модных психологических системах. Прими себя какой ты есть, мудила».

А этот тип... Дениса передернуло при одном воспоминании о том человеке. «Он тоже себя принял таким, какой он есть?»

ДОКТОР ЧИСТОТА

И нет ли в этом «прими себя» какой-то огромной невыносимо чудовищной лжи?!

Перед глазами вдруг возникло лицо брата... Затем Степы. Степыч улыбался — страшно и весело. Щека у него была вскрыта, лоскут кожи вырезан — и обнаженные мышцы двигались, натягивали белесые сухожилия, когда он улыбался и говорил. Денис никак не мог разобраться, что именно. Отвернутый лоскут кожи болтался у шеи и раздражал. Потом появилась Оля — почему-то синяя и голая, она потянулась и обняла Дениса. Внезапно Дениса повело. Он понял, что заснул.

В следующий момент он рывком очнулся, увидел приближающийся столб — твою мать! Денис с силой ударил по тормозам и вывернул руль. «Буханку» занесло. От удара грудью о руль Денис задохнулся. Боль была... отрезвляющей. Он застонал сквозь зубы.

Помедлил. «Я только что чуть нас обоих не угробил».

«Я должен ее довести». Да, должен — не ради себя, не ради нее, а ради брата. Довести Аню.

«Ради брата? Да не свисти! Кому ты врешь?!»

Он помотал головой. Несмотря на встряску, он все равно больше всего на свете мечтал закрыть глаза — и просто умереть здесь.

Сдаться.

«Сука». Денис вздернул голову. Из уголка рта сорвалась длинная нитка слюны. Он вытер подбородок забинтованной рукой, выпрямился.

Оглянулся на Аню. То, что он увидел, его напугало. Ее бледность превратилась в мертвенную, как у покойника.

— Аня! Аня, слышишь?! Не спи.

Он понял, что еще чуть-чуть — и не сможет даже вылезти из-за руля. Поэтому нужно сначала доехать и дать знать АДЕКВАТНЫМ ЛЮДЯМ, которые знают, как выбраться из всего этого. И тогда можно упасть, свернуться клубком, как он мечтал сейчас больше всего

на свете, — и спокойно умереть. Не быть. Не помнить. Не знать.

Он вздохнул. Завел «буханку» — и поехал, осторожно и аккуратно, словно лежачий больной после года неподвижности снова учится ходить. И не доверяет своему телу. «Поехали, Аня». Поехали.

ГЛАВА 2

Оператор

— ...Одного из беглецов удалось задержать. Сейчас ведутся поиски остальных. Нам известны их имена. Это некто Азамат Дунгаев, осужденный за мошенничество и сбыт наркотиков, и...

Сергеич прочертил пальцем по горлу, давая понять, что нужно остановить запись.

— Ты издеваешься? — взбрыкнула Анфиса, словно молодая норовистая кобылка. Он почти видел, как из-под стройных длинных ног летит желтый песок. — Я почти весь текст успела сказать!

— Сейчас будет брак по звуку.

Словно подтверждая его слова, «скорая» включила сирену, пытаясь пробиться к главному входу. Проезд был плотно заставлен личными машинами журналистов и фургонами передвижных студий.

Журналисты недовольно посмотрели в сторону «скорой», но никто не сдвинулся с места. Они окружили гладко выбритого мордатого полицейского в погонах УФСИН, который, как попугай, повторил то же самое, что и полчаса назад:

— Мы проводим розыскные мероприятия, по многим направлениям. Пока мы не можем ничего сказать по поводу... сбежавшего преступника... и точном количестве... ж-жертв...

ДОКТОР ЧИСТОТА

Мордатый багровел и заикался. Видимо, больше всего боялся ляпнуть что-нибудь не согласованное с вышестоящим начальством. А то пока молчало. За это Сергеич мог поручиться — он много повидал таких пресс-секретарей за свою жизнь. Сирена выла.

— И долго она будет орать? — возмутилась ведущая. Сергеич пожал плечами.

— Пока кто-нибудь не отгонит машину, чтобы дать «скорой» проехать.

— А!

Сергеич устало посмотрел на свою коллегу: смазливая, стройная, в обтягивающей грудь лиловой блузке, злой и цепкий взгляд — Анфиса, «золотце», одним словом.

Текст она писать не умела, за нее это делал помощник продюсера. Учить то, что ей написали, тоже не слишком хотела. Видимо, понимала, что на этом карьеру не построишь. А вот с кем дружить и с кем спать, она явно секла. Сергеич в число избранных не входил — это он уже сообразил по тому, как она стала на него покрикивать. Да уж, не об этом он мечтал, когда заканчивал ВГИК с красным дипломом. Его мастером на курсе был знаменитый Княжинский, оператор самого Тарковского. А вот для него Тарковского не нашлось. Сергеич вздохнул.

Вместо «Оскара» за лучшую операторскую работу у него был ненормированный рабочий день, полное отсутствие личной жизни, нищенская зарплата и язва от вялотекущего алкоголизма. И еще на него теперь покрикивает эта вертихвостка, которая совсем недавно прочитала на камеру с бумажки, что этой весной уже появились первые «лесные капатэллы». Жаль, что это было не в прямом эфире, лесным копателям бы понравилось, что их профессия отдает Провансом.

Сирена взвыла еще раз, и «скорая», не найдя отклика в черствых душах журналистов, проложила путь по недавно высаженной клумбе.

Анфиса презрительно встряхнула красивой головой:

— Чего стоишь? Давай еще дубль, пока из студии не позвонили.

— Нет! — отрезал Сергеич. «Пусть кровь не греет старых лап», — вспомнил он некстати. Была такая песня группы «Любэ». Сергеич мысленно поморщился. Про старого битого волка, который должен выгребать за всю стаю. Полжизни слушаешь джаз, умеешь в нем разбираться, а в такие моменты вспоминаешь пургу всякую. Одинокий алкоголизм под джаз всегда идет лучше. — Быстро бежим к врачам и спросим про задержанного.

Анфиса, сообразив, что здесь надо слушаться, в два прыжка перескочила клумбу и, не обращая внимания на испачканные туфли, бросилась к машине «скорой помощи». Может, и выйдет из нее толк, подумал Сергеич.

— 38-й канал, что вы можете сказать о состоянии задержанного? — напористо набросилась она на врача в синем комбинезоне.

Тот с досадой повел головой. Но Анфиса была по-настоящему красивой, секси. Надменная мордашка, осанка стервы. И молодость. Иногда это настоящее преимущество, которое никаким опытом не перекроешь. «Почему мы, мужики, всегда на что-то надеемся? — подумал Сергеич. — Вот идиоты».

Поэтому врач ответил вежливо:

— Мы только что прибыли, вы разве не видели?

— Но вам же наверняка описали по рации ситуацию? Говорят, у пострадавшего пулевые ранения...

«Неплохо», — оценил Сергеич. Дебютантка блефовала, но делала это удачно.

— Пулевые? — удивился врач. От удивления он забыл, что Анфиса красивая, и стал самим собой. — Просто порезы, это уж явно не пулей...

Полицейский выскочил из дверей и, оттолкнув журнальную листку, потянулся к камере.

ДОКТОР ЧИСТОТА

— Назад, я сказал! — заповедный ментовский вокал, можно сказать. Этот рык у нас песней зовется.

Сергеич профессионально, в одно движение, снял с плеча камеру, прикрыл ее всем телом и отшагнул назад.

— Да ты понимаешь, с кем разговариваешь?! — Анфиса дерзко взглянула на полицейского и тут же отошла в сторону, не поворачиваясь к нему спиной.

«Быстро учится», — подумал Сергеич.

— Что теперь? — спросила Анфиса громким шепотом. Сергеич покосился на нее. Вот теперь мы еще и заговорщики.

— Ладно, давай допишем текст, а потом я поснимаю перебивки, может, и в окно кого удастся поднять.

Ведущая кивнула.

Анфиса проверила макияж, глядя в камеру айфона, и затараторила заготовленный текст:

— Сейчас я нахожусь у отдела полиции, где временно находится штаб по розыску беглецов. Лучшие силы полиции, Федеральной службы исполнения наказаний и ФСБ собрались здесь, чтобы найти их как можно быстрее. «Черный аист» — одна из самых охраняемых тюрем России, многие заключенные содержатся здесь пожизненно. Рано утром, когда город еще спал, трое заключенных проникли в соседнее здание, захватили приехавшую на вызов машину «скорой помощи», взяли в заложники медперсонал, протаранили заграждение и скрылись в неизвестном направлении... Позже одного из беглецов удалось задержать. Сейчас ведутся поиски остальных. Нам известны их имена. Это некто Азамат Дунгаев, осужденный за мошенничество и сбыт наркотиков, и... — Анфиса сделала драматическую паузу, — Тимофей Ребров, «Доктор Чистота»... серийный убийца и, возможно, людоед... В интернете его прозвали российским Ганнибалом Лектером...

Сергеич вдруг почувствовал страшную усталость. Кого он обманывает? Никогда он не снимет свой фильм, ни-

когда. До конца жизни — ладно, до пенсии — он будет снимать эти дубли и проходки, эти перебивки, этих безмозглых красивых ведущих одну за другой. Он словно столб у дороги, который они должны миновать, чтобы добраться до места назначения. А кто-то не поленится и обоссит.

«Вот и эта...»

В следующий миг его толкнули под локоть, камера дернулась. Сергеич едва удержался на ногах.

— Эй! — возмутился он.

— Извините, — сказал парень равнодушно и прошел мимо. Высокий, лобастый, с короткой стрижкой. «Боксер, что ли? — подумал Сергеич. — Или ММА-шник?» Однажды он два месяца работал в команде, которая снимала документалку о боях смешанных единоборств. И теперь мог опознать боксера даже с километра — по характерной манере двигаться, по наклону головы. «Точно боксер», — подумал Сергеич. И замер.

С забинтованной руки парня сорвалась капля. Разбилась о нагретый солнцем асфальт. Почти черная.

Сергеич моргнул. И вдруг понял, что затылок у него стиснуло — ледяной рукой плохого предчувствия. Ведущая что-то ему выговаривала.

— Заткнись, — приказал он. Анфиса от неожиданности послушалась. Сергеич оглянулся, он был весь как охотничий пес, натянутый и резкий.

«Но молодой вожак... поставил точку так...»

— Ты охамел? — спросила Анфиса и замолчала, увидев его лицо. Сергеич обернулся.

Вот оно. Цепочка кровавых пятен тянулась по асфальту в сторону дороги. Сергеич выпрямился, крылья носа подрагивали. словно он скинул два десятка лет и перестал ощущать вес тяжелой «Арри Алексы» на плече. Он пригляделся. Так. Парень явно пришел от уазика-«буханки». Машина была грязная, пыльная... и жутковатая.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Словно темное холодное пятно посреди нагретой солнцем улицы. Сергеич представил, что на рессорах у «буханки» рыжеет слой ржавчины и это будет хорошо смотреться в кадре. Четкая фактура.

— Что? — спросила ведущая.

— Видишь машину? — сказал он Анфисе. — Работаем.

Что-то в его голосе подсказало ей, что спорить нет смысла. Они побежали. Сергеич видел, словно в рапиде, как вылетают из-под ее каблучков комья земли. «Может, и выйдет из нее толк».

— Дверь! — приказал он.

Она схватилась за ручку и потянула вниз. Наивная. Сергеич частенько имел дело с «буханками». Узик — военная машина, тут порой здоровый мужик не сразу справится.

Дверь не открылась. Анфиса прикусила алую губу — и налегла двумя руками, всем весом. К-кряк!

Дверь отворилась. Анфиса замерла, отступила на шаг. Глаза ее расширились. «Отвернется», — подумал Сергеич. Он краем глаза видел побелевшее лицо ведущей. И тут ему в лицо ударил запах крови — и стало не до Анфисы.

В машине лежала девушка.

Рыжие волосы рассыпались по полу, пол вокруг залит кровью. Сергеич застыл на мгновение. «Неужели это действительно происходит?» Мгновение прошло, и он вскинул камеру на плечо. Работаем.

«Проклятая профессиональная деформация», — подумал он мимоходом, продолжая снимать.

Тарковский, чистый Тарковский.

Сцена с самоубийством Хари. Там, где она выпила жидкий азот. Нет, это даже лучше.

«Это мой фильм», — подумал он.

А потом Анфиса закричала.

ГЛАВА 3

Боксер

«Это точно не мой фильм», — подумал Денис.

Ему казалось, что со вчерашнего вечера он существует в кошмарном сне... Нет, не так, поправил он себя. В абсурдном нескончаемом сериале ужасов. Что-то вроде «Ходячих мертвецов», какой-нибудь шестой сезон, только все вокруг — русские.

Изуродованная рука пульсировала, словно больной зуб. Горячие толчки крови отдавались в изуродованной кисти. Он потянул железную дверь и вошел.

Бум! За его спиной захлопнулась дверь на автоматической доводке. Денис вздрогнул.

После яркого солнца он словно окунулся в темную прохладную воду. Даже дыхание перехватило. В первый момент Денис ничего не видел, перед глазами скакали электрические дуги — словно выжженные солнцем на сетчатке. Денис поежился и огляделся. Он чувствовал, что его «штормит» — словно лег спать пьяным, а наутро не до конца протрезвел.

Денис думал — всю дорогу сюда, пока вез Аню и успокаивал ее (заткнись, все будет хорошо, заткнись), — вернее, он был уверен: стоит добраться до полиции, все сразу станет просто и ясно. Сложности закончатся. Кто-то более взрослый и адекватный, чем он, Денис, возьмет на себя разрешение ситуации. Просто будь как обкакавшийся младенец — лежи и дай взрослым людям разобраться со всем этим говном.

Но яснее не стало. После долгой мучительной поездки Денис был в полиции и не знал, что делать. Он опять должен был решать какую-то сраную проблему. А он за эту ночь, блять, разобрался с такой кучей проблем, что исчерпал свои волевые запасы на сто лет вперед.

«Ненавижу принимать решения».

ДОКТОР ЧИСТОТА

Он потрогал повязку — влажная. Рука болела, но отдаленно, словно из другой вселенной. Точно отрезали чей-то чужой палец. Денис вдруг представил: если существует множество вселенных, как говорят фантасты и ученые, то в какой-то другой вселенной его палец существует отдельно. И болит оттуда.

«Так, выкинь из головы эту ерунду». Денис постарался собраться. Приемник полицейского отдела. Денис несколько раз бывал в таких местах — с его работой этого было, скорее, не избежать. Где окно дежурного? За окном находится тот, кто снимет с плеч Дениса тяжесть проблем.

Справа вход во внутренние помещения. За железной решетчатой дверью маялся от безделья охранник — здоровенный сержант в черной форме, в «бронике», с автоматом. Словно почувствовав взгляд Дениса, сержант зевнул.

Ровный шелестящий гул кондиционера. По спине прошла холодная волна. Денис поежился.

Он поискал глазами. Где надпись? Надпись означала конец всех проблем, служила указателем: «Здесь адекватные люди. Да-да, именно здесь».

Вот! Окно приемной было здесь не забрано железной решеткой, как в привычном Денису отделении в родном районе, а закрыто стеклом. На нем надпись красными буквами: «ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ». То самое. «ЭТО АДЕКВАТНЫЕ ЛЮДИ, ЧУВАК».

За окном сидел полицейский в серой форме. В отличие от сержанта, некрупный и тощий. Волосы светлые.

Денис в несколько шагов преодолел расстояние от входа до окна.

Дежурный бросил на него короткий безразличный взгляд, опустил глаза. Денис увидел, что дежурный что-то пишет. При этом тот зажимал плечом и подбородком трубку стационарного телефона. Бежевый пластик равнодушно отсвечивал.

— Ага-ага... Куда повезли?

Дежурный прищурился, провел линию на листке. На лице полицейского была написана вся важность доверенной ему миссии.

— Повторите... Да-да, записываю...

В следующее мгновение Денис почувствовал омерзение. Он вдруг обострившимся, туннельным зрением увидел, что делает полицейский. На листке был выведен шариковой ручкой, аккуратно и четко огромный член. Дежурный дорисовал овалы и теперь выводил на них волоски.

Дениса замутило.

«Что происходит?» В руке опять толчками, будто извержение вулкана, запульсировала боль. Из обрубка пальца словно изливалась раскаленная лава.

Денис с усилием прочистил горло.

— Я-я... х-хочу сделать... заявление.

Собственный голос в первый момент удивил Дениса. Он звучал слабо и едва слышно. Словно мальчишку во дворе, в песочнице, обидели, но он слишком хорошо воспитан, чтобы это показать.

— Сделать заявление! — громко повторил Денис. Дежурный вздрогнул, дернул рукой — росчерком испортил рисунок. Но даже не поднял головы.

— Хорошо, подождите, я уточню, — полицейский прижал трубку к груди, поднял взгляд. Денис увидел его лицо вблизи. Светлые глаза, тонкий нос, на щеке родинка. На погонах дежурного было четыре звездочки. Капитан. Денис разозлился. Тут у них целый капитан сидит, фигней страдает, а там... людей убивают!

Капитан безразлично смотрел сквозь Дениса — словно тот был неодушевленной вещью. Большой и неумытой.

Светло-голубые глаза капитана напомнили Денису старый фильм, вестерн, где все злодеи были уродливы (кроме главного), при этом у всех уродов-злодеев были прекрасные голубые глаза. И от этого становилось не-

ДОКТОР ЧИСТОТА

уютно. Потому что потом их всех убили. Но прежде они совершили что-то жуткое.

Что это за вестерн, Денис не помнил. Да и какая, на хер, разница. Щелчок.

— Что у вас? — равнодушно спросил капитан. Голос его, искаженный динамиком, звучал откуда-то сверху.

— Я...

— Говорите в микрофон, — сказал капитан.

«Да блять!»

— Я хочу... — заговорил Денис твердо.

Тр-р-р-рррр. От резкого звука оба вздрогнули. Капитан повертел головой. Звонил другой телефон. Капитан сделал Денису знак подождать, снял трубку — не светлую, темную.

— На аппарате, — сказал капитан. Денис едва не засмеялся. На аппарате? Пижон херов.

— Слушаю... что-что?

Капитан зажал темную трубку плечом. Привычным жестом вытащил лист из пачки бумаги и положил перед собой.

Ну давай, подумал Денис с мутной тяжелой злобой. Нарисуй еще один хуй.

— Так точно, Андрей Максимыч, записываю... Да-да, конечно... Нет-нет, понял, — капитан начал быстро водить ручкой по листку. «Неужели что-то важное?» — подумал Денис.

Ну нет. Капитан его не подвел. Денис видел, как возникают на листке виселица и повешенный человечек.

— Кому передать? — спросил капитан. — Да-да... Делаю себе пометку, — он провел линию, словно подчеркивая главное. — Нет, Семин на адресе... На адресе, говорю. Кухонный бокс, все дела. Понял, кому-нибудь другому...

— Товарищ полковник, да откуда люди? — Капитан сделал официальное лицо. — Все на «усилке».

«Усилок» — это когда для чего-то важного — например, поимки особо опасного преступника или охраны британской королевы в гостях — привлекается весь личный состав.

Физрук в школе Дениса любил блеснуть такими словечками. Он перешел на денежную работу, уволившись из армии. Самый бесполезный учитель в школе, подумал Денис. Редкий был чудак, если честно. Зато военная пенсия плюс зарплата учителя. И армейские тупые шуточки в диком количестве.

— Этих ловят... Медного взяли, еще двоих ищут пока... Да, понял, как вернется, первым делом...

Дениса неожиданно пробила крупная нервная дрожь — как у лошади, стоящей на старте ипподрома.

Денис оперся на высокую раму, приблизил лицо к стеклу.

— Понял, да, — говорил капитан.

— Послушайте! — громко и хрипло сказал Денис.

Дзынь. Капитан вернул трубку на рычаг и поднял взгляд на Дениса. Лицо было равнодушным. Видел я на этой работе и не таких идиотов, читалось в глазах полицейского.

Денис осекся.

Холодная волна ярости захлестнула его. «За что ты со мной так, сука?!»

Стоп! Денис постарался взять себя в руки. Сейчас не та ситуация, чтобы цапаться с ментами.

«Черт, Аня же в машине!»

— Там девушка, — сказал Денис. — Там... на улице! Слышите?!

— Что? — Капитан прищурился. — Что за девушка?

— Там... — слова куда-то исчезли.

— С самого начала, пожалуйста. И нажмите кнопку.

Денис зажал чертову кнопку.

— Я хочу сделать заявление! Да послушайте! — последнюю фразу он практически прокричал.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Капитан поморщился.

— Голос не повышаем, — спокойно сказал он. — Еще раз. Что у вас случилось?

«У меня несколько мертвых друзей, раненая девушка и беглый маньяк за плечами! Вот что у меня!!»

— Я... — Денис собрался. Вот сейчас он все расскажет. Спокойно и по порядку.

И тут зазвонил телефон.

«Нет!!»

Капитан сделал Денису знак подождать, повернулся и снял трубку.

«Это что, издевательство такое?»

Капитан поднес трубку к уху.

— На стекло не опираемся, — ровно сказал он Денису.

— Да, слушаю, — произнес он в трубку. — Нет, не занят...

Денис хлопнул ладонями по стеклу. Боль ударила так, что отдалась в глазные яблоки. Бум!

Капитан вздрогнул. Поднял взгляд — и его лицо изменилось. Он словно впервые по-настоящему разглядел Дениса.

Денис стоял перед ним — высокий, спортивный, с короткой стрижкой, в синяках и порезах, в пятнах крови и сажи, в окровавленной футболке и рваных штанах. На взводе и явно опасный. Взгляд капитана стал жестким и профессиональным — наконец-то.

Денис провел рукой, оставляя на стекле кровавый след.

«Написать им кровью «Дежурная часть», что ли?» — подумал он.

Капитан прищурился.

— Федорчук! — позвал капитан негромко.

Денис услышал скрежет железной решетки, затем увидел, как в отражении призрачно движется квадратная фигура сержанта Федорчука.

— Э! Тебе русским языком сказали! — раздался за спиной грубый голос. — На стекло не опираемся!! Два шага назад сделал. И руки держим повыше.

— Да пошел ты, — сказал Денис негромко.

— Че?!

Денис снова ударил по стеклу. Хлопок был резкий и звучный, как выстрел.

Его захлестнула веселая злая волна. Он вспомнил, как шел сюда от машины и обещал себе быть сдержанным и спокойным. Ага, щас.

Потом будет пиздец. А сейчас — Денис прямо выдохнул — это было офигенно круто и хорошо, наконец-то ничего не бояться.

— Слышишь, ты. Вы ищите, блять, своего Кожееда?! Так вот, я знаю, где он... — Денис осекся. Он вдруг сообразил, что имя «Кожеед» знает только он один, так назвал себя маньяк. Для полицейских он — Доктор Чистота, человек с запахом «Белизны».

— Доктор Чистота! — крикнул Денис. — Я знаю, где он!

Капитан вскинул голову.

— Доктор Чистота... что?! Федорчук, подожди... — говорил капитан, но — не успел.

Сержант уже был рядом. Денис затылком чувствовал его массивную тушу, как темный прилив, как вода ощущает приход луны.

Сержант положил Денису ладонь на плечо. Сжал толстые пальцы. От его руки пахло хлоркой — Дениса чуть не стошнило.

Черт. Внезапно Денис понял, что сейчас сделает, но остановить это уже не мог.

Радостная волна бешенства накрыла его с головой.

Сержант потянул Дениса за плечо. Денис молниеносно повернулся, скручивая корпус, как пружину, поднырнул под руку сержанта. Тот моргнул, в следующее мгновение Денис

ДОКТОР ЧИСТОТА

вынырнул с другой стороны и четко выстрелил апперкотом сержанту в челюсть.

Н-на!

Удар был звонкий, четкий. «По красоте».

Сержанта Федорчука подбросило, отнесло на несколько шагов. Он неловко дернул головой, глаза осоловели. Денис увидел на щеке сержанта смазанный след крови. Опустил взгляд. Его рука словно пылала в огне, сквозь повязку на пол капала кровь. На плитках пола расплывались красные кляксы.

«Ударил больной рукой. Вот я уникам».

Время замедлилось, как бывает на ринге.

Сержант сделал шаг назад — и осел на пол.

Капитан вскочил, трубка полетела на пол. Бдынь! Где-то далеко внутри здания завывла сирена.

Жуткий крик женщины. Капитан замер. Денис повернулся к двери — он вдруг понял: что-то случилось с Аней.

«Это там, в уазике».

В следующее мгновение Дениса сбили с ног, бросили лицом в кафельный пол. «Прохладный», — подумал Денис с удивлением. Он приник пылающим лицом, наслаждаясь. В следующее мгновение все утонуло в новой вспышке боли — ему вывернули руки в суставах. Перед глазами плыли огненные пятна.

«Аня». В последний момент он все-таки рванулся к ней... Жесткое колено придавило шею. И воздуха не стало.

ГЛАВА 4 Звонок

Следственный комитет разместился в здании бывшей советской школы. Верхний этаж — евроремонт. Светлые коридоры, стены, обшитые матовыми пластиковыми панелями бежевого цвета, плафоны дневного света, металл

и хром, капиталистическая современность. А нижний этаж так и остался в Советском Союзе. Но его обычные посетители видели редко.

Любой, кто входил в здание и поднимался на второй этаж, попадал в бесконечные пустые коридоры. Сейчас у дверей кабинета, как раз под плакатом «Их разыскивает полиция», сидели двое. Пожилой мужчина потел и нервничал, вытирал лоб и озирался. В руках у него был измочаленный листок с повесткой. И рядом красивая молодая женщина современного вида, лет тридцати, в бледно-розовом деловом костюме и юбке-карандаш, на ногах блестящие бежевые туфли с высокими каблуками.

На лицах посетителей обреченность. Они ждали уже давно. Пожилой заметно нервничал, точно чувствовал себя виноватым — это известная особенность казенных помещений.

Женщина, наоборот, словно заранее настраивала себя на бескомпромиссную битву.

Время шло. Пожилой несколько раз бросал взгляд на соседку, но заговорить не решался. Потом наконец откашлялся и заговорил. Голос у него был хриплый и неуверенный.

— Вы к кому? — спросил пожилой. Она с удивлением посмотрела на него, словно подал голос пыльный фикус в углу.

— Я вот к Васину... — продолжал седой. — Старшему следователю, знаете такого? Написано в десять-десять. Да чего-то все не зовут. Так вы тоже к Васину?

Женщина пожала плечами.

Вдруг за дверью кабинета раздался звонок телефона. Резкий и пронзительный, словно сирена. Посетители вздрогнули. Пожилой втянул голову в плечи, женщина оглянулась и фыркнула.

Телефон продолжал звонить.

Звонок разносился по зданию, резонировал в пустых коридорах. Телефон звонил и звонил.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Пожилой сморщился, покрутил головой, женщина поджала губы.

Долгий, режущий по нервам звонок.

Вдруг пожилой поднял голову. В коридоре показался молодой человек в штатском. На нем был дорогой, отлично сидящий серый костюм-тройка, тонкая золотая цепочка на запястье.

Молодой человек торопливо прошел мимо посетителей. Женщина на мгновение привстала...

— Потом, — сказал молодой небрежно. Женщина помедлила и села.

Человек в костюме достал ключ с биркой, открыл дверь. Вошел и захлопнул ее за собой.

Пожилой посмотрел на женщину и сказал:

— Вишь как. Мы-то для них никто.

Женщина с досадой пожала плечами.

Старший лейтенант юстиции «важняк» Васин прошел вглубь, к столу. Кабинет выглядел как офис бизнесмена средней руки начала двухтысячных. Деньги и возможности уже есть, а вкуса пока нет. Все тот же навязший в зубах безликий евроремонт, все те же бежевые пластиковые панели, зеленая кожа отделки стола, все те же золотые органайзеры, личный календарь, которым никто никогда не пользовался, портрет Самого в строгой раме на стене. Нарушал общую евростерильность только огромный сейф в углу кабинета: грубый металл в напывах серой краски.

На столе стоял телефон-селектор. Телефон опять разрился пронзительной трелью, лейтенант поморщился.

Он, чуть помедлив, снял трубку. Выбрал и нажал кнопку. Щелк.

— Следственный комитет... слушаю!

В трубке ответили. Слегка брезгливое выражение на лице лейтенанта мгновенно, как по волшебству, изменилось.

— Васин! — раздался в трубке резкий начальственный голос. — Какого... трубку не берешь?!

Лейтенант порадовался, что Максимыч его не видит — иначе бы точно вставил пистон за гражданскую одежду. Следователь на рабочем месте должен быть в форме, с начищенными погонами, отутюжен, чисто выбрит и взмылен от усердия.

— Виноват, — он невольно вытянулся по струнке. «Это уже привычка», — раздраженно отметил лейтенант. В штатском это выглядело странно. В стеклянной двери шкафа отражался растерянный молодой человек. Лейтенант передернулся. Он привык воспринимать себя, свой образ по-другому. Самоуверенность и вальяжность «крутого следака» слетели с него в мгновение ока, остался только этот... молодой выскочка в отражении.

— Еще как виноват! — подытожил Максимыч. — Юрьевна где?!

— Светлана Юрьевна? — Лейтенант оглянулся. — Она сейчас в допросной...

— Я звоню, она не берет. Вы что там, совсем охуели без меня?! У нас, блять, аврал, а они на звонки не отвечают!

— Так, наверное, она мобильный выключила... — начал лейтенант.

Максимыч прервал его потоком ругани и проклятий. Потом начальник кратко, зато красочно описал, что случилось, — лейтенант охнул. Новости были еще те.

— Бегом! — скомандовал Максимыч и бросил трубку. Гудки.

— Есть бегом!!

Лейтенант осторожно положил трубку на рычаг, помедлил. Задержал взгляд на портрете Самого. Казалось, Сам сейчас приложит палец к губам — мол, храни государственную тайну. «Такое попробуй сохрани», — подумал лейтенант. Новости жгли его изнутри, как напалм.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Лейтенант вышел из кабинета, аккуратно закрыл дверь. Оглядел пожилого и женщину, явно не понимая в этот момент, кто они. Мысли его витали далеко. Васин рассеянно положил ключ в карман пиджака — и вдруг сорвался с места, побежал.

Пожилой и женщина посмотрели ему вслед, переглянулись. Пожилой дернул плечом: «Я же говорил».

— Суки, — сказала вдруг женщина отчетливо. Пожилой подумал и кивнул.

— Я же говорил, — сказал он.

ГЛАВА 5 Следачка

Кофейная горечь камнем горела в желудке. Юрьевну угостил знакомый опер из управления, заскочивший в СК «буквально на пять минут», отдать документы. И, как водится у оперов, околавившийся в СК уже часа два, пока она не отправила его обратно.

Опера — крутые ребята, но с ними нужна железная рука.

Кофе у оперов был настолько плох, что даже вошел в местные легенды. Он не бодрил, а вызывал долгоиграющую мутную злость и раздражение желудка. Прививка от человечности, как сказал однажды Максимыч. Такой кофе хорошо брать с собой в засаду или на ночное дежурство. Юрьевна покачала головой. «Зачем я вообще согласилась?» Кофе был горячий, в зеленом советском термосе и отдавал жестким привкусом металла. Точно, горячий, вспомнила она. Над кружкой поднимался пар. На это она и купилась.

Если сейчас подняться на второй этаж, можно выпить хорошего, по-настоящему хорошего кофе из дорогой кофемашины — и сделать это в тишине и уюте, сидя на кожаном диванчике. Но — это же надо подняться. Время, силы. На фиг, на фиг.

Капитан юстиции, старший следователь по особо важным делам Меркулова Светлана Юрьевна — для коллег просто Юрьевна. Ей недавно исполнилось сорок лет, но Юрьевной она стала в ту же минуту, как пришла работать в милицию (тогда еще милицию). В юридической академии Юрьевна снова на некоторое время стала Светой, но это быстро закончилось. Максимыч забрал ее с третьего курса в прокуратуру, потом потянул за собой в следственный комитет, а затем — через некоторое время — и в главное управление СК.

Сейчас, в допросной, Юрьевна была одета как на бал. Который, правда, закончился два дня назад.. «Поэтому королева выглядит слегка помятой», — мысленно съязвила она. Ага. Юрьевна была красивая, стройная женщина с жестковатым лицом. От природы светло-русая, но волосы красила. Чуть выше среднего роста. Серая шелковая блуза, кожаные брюки винного цвета. Брошка с жемчужинами. Белые кроссовки. Стрижка и окрашивание стоили целое состояние... И занимали, кстати, вагон времени. Юрьевна вздохнула, повернулась к арестанту. Такой роскоши, как свободное время, ей еще долго не видать.

За двое суток, прошедших с момента побега Реброва (Доктора млять Чистоты), она спала часа три, урывками. И даже не успела съездить домой, чтобы переодеться.

Когда беглецы совершили побег, Юрьевна как раз ехала на выставку современной живописи в ЦДХ — давно обещала Полине. Полина теперь смертельно обижена, неделю не будет разговаривать. Юрьевна вздохнула. Придется что-то придумать... но потом. Потом.

Она положила на стол пухлую папку в сером картоне. Дело номер... да какая разница? В деле было уже несколько сотен томов: целая комната забита, а в связи с побегом писанины предстояло еще километры и километры. Можно весь земной шар опоясать, выложив листы в ряд, один за другим. Юрьевна хотела зевнуть, но кофе напомнил

ДОКТОР ЧИСТОТА

о себе — и она передумала. Ладно, используем эту мутную злость в конструктивных целях.

Вокруг смыкались и слегка пульсировали выкрашенные в ядовито-зеленый цвет стены. Решетки коричнево-красные, словно засохшая кровь. В центре комнаты огромный древний стол, видевший динозавров и советских школьников. Он был сдвинут так, что допрашиваемый буквально ощущал себя притиснутым к стене. Крошечное зарешеченное окошечко под потолком. Комната дознания.

Юрьевна перевернула страницу. Просто для начала разговора.

— Медь, значит?

Напротив нее сидел человек с характерной эковской поджаростью — такую на воле не получишь.

Зэк поднял голову. Ухмыльнулся, коротко сверкнули фиксы.

— Ну, Медь, и что?

Половина зубов у него была железная, между ними затесалась пара золотых. Юрьевна могла поклясться, что на одной из золотых «фикс» есть след от плоскогубцев.

Она покачала головой. Насмешливо и сочувственно:

— Меднов Сергей Александрович, семьдесят восьмого года рождения. У тебя уже сын взрослый, вторая ходка, а ты все Медь.

Зэк оскалил зубы — родные у него были желтые и мелкие. В стальном ряду они смотрелись как приемные.

— А ты моего сына не впутывай, он у меня пацан ровный!

Юрьевна наклонилась над столом, посмотрела на зэка в упор. Заговорила негромко, с доверительной интонацией:

— Сережа, мы с тобой, к сожалению, не один год друг друга знаем. Скажи мне, кто организовал побег? И я пойду дальше на работу, таких, как ты, арестовывать, а ты обратно в камеру — в карты доигрывать... или чем ты там

занят обычно? Сэкономим друг другу массу времени. Ну как? Готов?

Медь спокойно улыбнулся.

— Вот ты неугомонная, — сказал он.

Светлана Юрьевна выпрямилась. Интересный поворот.

— Книжки читаешь?

Медь от неожиданности моргнул, вскинул худой скошенный подбородок.

— Чего?!

Она улыбнулась.

— Книжки, говорю, полюбил читать, Медь? Слово-то книжное, не ожидала от тебя.

Он пожевал губами, жилы на шее натянулись, словно канаты в шторм. И подрагивали.

— Ну полюбил, и че? — Ох уж эта сидельческая дерзость. Юрьевна пожала плечами.

— Просто приятно видеть, как человек берется за ум. Пускай и под старость.

Зэк посмотрел на нее с ненавистью — и почти уважением.

— Чеканутая ты!

— Вот, другое дело. Теперь узнаю старого доброго Сережу Меднова.

— Чего тебе надо? Я ничего не знаю.

— Я и не сомневалась.

Юрьевна аккуратно отряхнула с блузки невидимые пылинки, вернулась к двери и подняла за ручки картонный ящик, стоящий на полу. Переставила его на стол, аккуратно сдвинула, чтобы он стоял параллельно краю стола, — и начала приготовления. Медь смотрел. Юрьевна неторопливо доставала карандаши (простые, разной мягкости — от 2Н до 2В), автоматические ручки (синие, черные, красные) и раскладывала их на столе, строго параллельно друг другу, на одинаковом расстоянии. Так, теперь ластик... корректор... Руки Юрьевны привычно порхали.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Медь угрюмо смотрел на ее приготовления. Юрьевна была права: они были знакомы давно. Но кажется, свой ритуал при нем она еще не проводила. Поэтому Медь не понимал, что происходит.

— Что?..

— Тихо, — она даже не подняла головы, продолжая раскладывать принадлежности. Блокнот для записей — с красной обложкой, это для важных фактов. Его положить слева. Блокнот с вынимающимися листами — для записи мыслей, которые приходят в голову во время допроса. Его место справа, чуть выше. Официальные листы, которые на подпись, — на своем, раз и навсегда определенном месте. Посередине и чуть правее, чтобы удобнее было работать...

Наконец Юрьевна закончила приготовления. Переставила пустой ящик на пол, к ножке стола, выровняла. Все должно быть идеально, симметрично и по линии. Юрьевна достала влажные салфетки и тщательно протерла руки, сложила использованные салфетки в отдельный пакет, убрала его в ящик.. Медь пялился на происходящее и иногда недоуменно моргал.

Юрьевна отодвинула стул, села и придвинула так, чтобы осевая линия стула совпала с осевой линией стола. Вот теперь хорошо. Она знала эти особенности за собой и не противилась.

Юрьевна посмотрела на Меднова и покачала головой.

— Врач сказал, ты на желудок жалуешься.

Медь неловким движением поджал губы, словно целиком подобрал подбородок. Острый кадык дернулся вверх и опал.

Медь посмотрел на Юрьевну. Глаза запавшие, с мучительным блеском.

Юрьевна сочувственно улыбнулась ему:

— А почему инвалидность себе не выбил? Хорохоришься все, а был бы идейным, в двадцать лет уже с ин-

валидностью ходил бы, чтобы в ШИЗО лишний раз не загреметь. Как, кстати, тебе пониженная норма питания? — Она резко сменила тему. Медь поднял брови.

— Пытку голодом в совке еще отменили!

Она засмеялась. Медь угрюмо набычился, замолчал.

Юрьевна ласково сказала:

— Ну, вот в Гаагский суд жалобу и напишешь. Бумагу с ручкой дать?

Медь отвернулся.

— Эй, Медь? Обиделся, что ли?

Медь угрюмо смотрел в сторону. Юрьевна вздохнула.

— Ладно... Давай просто и вежливо. Мне, может, тоже неприятно с таким букой, как ты, здесь сидеть и разговаривать, но я же делаю над собой усилие. Кто это был? Постарайся, Сережа, блесни интеллектом. Не зря ведь книжки читаешь. А то будешь через матрас крутиться, пока язву не заработаешь. Оно тебе надо?

Жила на шее Меди дернулась. «Через матрас» — когда заключенный отсидживает максимальный срок в штрафном изоляторе, ему дают переночевать одну ночь в общей камере, чтобы не нарушать нормы, — и снова засовывают на пятнадцать дней в одиночку, без общения, передачек с воли и солнечного света. На третий-четвертый цикл любой взвоят.

— Ты меня на понт не бери!

— А вдруг это рак желудка?

Медь замолчал. Он сидел неподвижно, и только жилка под левым глазом тонко дрожала.

— Врешь, — сказал он наконец.

Юрьевна пожала плечами. «Самое смешное, что мне даже врать не надо. Все так и есть. Ты сам за меня себе соврешь».

Она равнодушно улыбнулась. Медь насторожился.

— Как знаешь, — сказала Юрьевна. — Может, это просто запущенный дисбактериоз? Хотя можно было бы

ДОКТОР ЧИСТОТА

организовать проверку. Как считаешь? Если тебя что-то действительно беспокоит... можешь мне намекнуть, я пойму.

Медь молчал. Только его молчание теперь было другим. Юрьевна чувствовала запах страха — не перед ней, а перед тем, что сидит у Меди глубоко внутри, в кишках.

— А ты знаешь, что раковую опухоль представляют неправильно? — спросила она.

— Ч-что?

Медь растерянно огляделся.

— Это шаблон, — сказала Юрьевна. — Просто... Почему-то все думают, что раковые клетки — они черные. И опухоль черная. Возможно, это пошло от старых образов, еще из Средневековья. Черная чума, черная смерть, черная весть... А она белая...

В глазах зэка вдруг заметались искры паники. Юрьевна кивнула.

— Даже не так. Раковая опухоль не белая, а нежно-розовая. Понимаешь? Она выглядит как совершенно здоровая ткань. Но при этом убивает. Не знаю, как тебе, а для меня это был шок.

Медь сглотнул, жилка у глаза дернулась.

— Хватит уже, — сказал он хрипло. — Спрашивай, что хотела.

— Розовая, а? Как тебе такое?

— Я сказал, хватит!

Юрьевна кивнула сочувственно.

— Есть такие люди, Медь. Они как рак... Я вот что думаю. Ты не просто так отстал от этих двоих, — она помедлила, отметив мысленно, что Меднов чуть напрягся, невольно выдавая себя. — Ты сбежал от них. И правильно, ты же нормальный человек, верно? А не эти... не этот... Я думаю, было так. Ты дождался, когда «скорая» притормозит на повороте, открыл дверь и выпрыгнул. Ну, порезался, ну, побился. Ерунда. Зато живой. Это все я знаю, можешь не говорить. Но у меня вопрос, на который

я никак не могу найти ответ. Зачем ты вообще в это влез? Зачем помог Реброву устроить побег?

Медь молчал. Но что-то в нем изменилось. «Сейчас, — подумала Юрьевна. — Сейчас я его дожду».

Медь облизнул губы, быстро-быстро, словно змея высунула язычок. Она отслеживала его реакции. Руки на столе чуть задрожали. Ага, принимает решение.

Медь поднял взгляд. Открыл рот, чтобы заговорить...

С громким скрежетом металла открылась дверь. «Да блять», — в сердцах подумала Юрьевна.

— Светлана Юрьевна... — сказали за спиной.

— Не сейчас, — произнесла она сквозь зубы. Юрьевна не оборачивалась, держа Медь взглядом.

— Медь?

«А он только собрался заговорить. Идиоты, везде одни идиоты».

— Ничего я не знаю, — сказал Медь. И закрылся. Юрьевна мысленно выматерилась — опять все придется начинать сначала. Она повернулась.

В дверях стоял Васин. Лицо молодого лейтенанта было напряженным. «Что-то случилось». Юрьевна кивнула ему и поднялась на ноги.

Васин тут же стремительно подошел — он был выше ее ростом и крупнее, наклонился к ней. Юрьевну обдало ароматом дорогого мужского парфюма, пота, хорошего кофе — и возбуждения. Васин, казалось, вот-вот взорвется от того, что знает. Знание бродило в нем и искало выход. Васин приблизил губы к ее уху — его дыхание защекотало шею. И наконец заговорил...

Юрьевна выслушала.

Затем повернулась и пошла к двери. Шаг у нее был энергичный, почти мужской. Следом выскочил лейтенант. С грохотом захлопнулась дверь. Металлический скрежет замка.

Тишина.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Вещи Юрьевны остались на столе перед эком. Медь подождал, потом беспокойно оглянулся. Про него словно забыли.

Медь растерянно повертел головой. В допросной было пусто.

— Э, а я?

ГЛАВА 6 Юрьевна

— Это правда? — спросила она за дверью. Васин торопливо кивнул.

— Хорошо, пошли.

Они поднялись на второй этаж. У дверей кабинета Юрьевна остановилась, оглядела посетителей. Пожилой заерзал, женщина в розовом привстала, собралась заговорить, но наткнулась на взгляд Юрьевны — и смутилась. Села обратно и зачем-то поправила юбку. Ноги у нее были красивые.

— Это кто? — спросила Юрьевна вполголоса.

Васин поморгал.

— А! Эти... — он с трудом вспомнил. — Вызвал как свидетелей.

— По какому делу?

Васин входил в особую группу Максимыча, и дело у них было только одно — дело Доктора Чистоты. Тимофей Геннадьевич Ребров, серийный убийца. Правда, случаев до хрена — доказанных два, а сомнительных восемнадцать. Одних дел накопилось уже на шестьсот томов. Маньяк действовал на широкой территории, изобретательно и нагло, часто менял почерк, словно издеваясь над теми, кто за ним охотился.

— Ну, вон тот... потертый. Он вроде как видел Реброва, когда тот спускался от квартиры Свечникова... Или кого-то похожего...

— А длинноногая?

Васин моргнул. Брови его поползли вверх.

— Ээ... она, кажется, по делу Росликовой, какая-то коллега по работе. Они в одном офисе работали, ну, прежде чем... Виделись, может, болтали у кулера... не знаю. Еще не снимал показания. А что?

Александров Росликову и Веру Чиркову убили после нескольких дней издевательств и пыток. Убийца заставил Росликову смотреть, затем пытать и увечить вторую, Веру. Росликова была сильная и не сдалась, отказалась. И тогда Доктор Чистота поменял их ролями. И слабая Вера, плача и умирая от сепсиса (ее убийца поймал на две недели раньше и уже обработал), пытала Росликову и резала ее ножом и пилила пилой, пока убийца смотрел, командовал казнью и наслаждался зрелищем. Следы его спермы найдены на половине вещей в подвале, на стенах, на полу, на телах жертв и даже на потолке. К сожалению, оказалось, что группа спермы и группа крови не совпадают. Ребров оказался из тех редких людей, у кого они разные.

— Такними показания, — велела Юрьевна.

Васин подался вперед и заморгал, не веря. Бедный «золотой мальчик».

— Так я же... с вами... Я хотел на место...

Юрьевна покачала головой. Васин — он же «Васенька» — был новенький, толку на месте преступления от него было немного.

Васин никогда не работал на «земле», его сразу после академии продвинули в область, он отработал (скорее числился, ядовито подумала Юрьевна) там три месяца, а потом папа через крутых знакомых продал его в Главк, на резонансное дело (будь оно опять же неладно, подумала Юрьевна).

— Сделаешь, догоняй. Только все как положено, смотри, проверю. Без халтуры.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Васин нехотя кивнул.

— Вот и умница, солнышко. Да... Телефончик у длинноногой возьми, — заметила Юрьевна словно между делом.

— Что?!

— Вдруг мне тоже понадобится... снять показания.

Васин заметно повеселел. Решил, что нащупал слабую точку коллеги. Все-таки у этих, из высших сфер, свое мышление, инопланетное. Везде ищут, кому выгодно, кто на чем сидит (от наркотиков до темных дел в прошлом), и нащупывают рычаги давления.

Васин — мальчик милый, но испорчен судьбой генеральского сына... или чей он там сын? Юрьевну это мало интересовало. Главное, что Васеньку толкали вперед, к вершинам следственной карьеры, аки Моисея через море — на его пути вода сама, услышав имя папеньки, расплзлась в стороны.

Интересно, Максимыч в курсе, что его хотят сплавить на пенсию, а вместо него поставить молодые наглые кадры? Конечно, в курсе. Старый боров свой хлев знает. И сожрет молодняк в очередной раз, не подавится. Хотя папаша у Васи силен, силен. И все-таки Максимыч — это Максимыч. Даже представить страшно, как вот эти молодые стильные косточки нежно хрустнут на желтых выщербленных клыках...

— Все, я на место, — сказала она. — Займись свидетелями. Понял?

Васин обреченно кивнул.

Она надела пальто. Вот и сходила на выставку. Работа, работа. Прямо как на «земле».

— Служебку заказать? — оживился вдруг Васин.

— Не надо, я на своей. Так быстрее.

Юрьевна сбежала по лестнице. И вдруг остановилась.

«Подожди, — сказала она себе. — А не забыла ли я кое-что? Ах, да. Мои переживания по поводу... Свечников, Свечников».

Она достала из косметички зеркало, тщательно про-репетировала выражение своего лица, подумала, кое-что поправила... Бровь повыше, не пережимать. Еще раз про-репетировала... Вот, теперь убедительней.

«Девять тел, насильственное. Ребров мертв. Свечников убит», — вот что сказал ей Васин в допросной.

«Эх, Свеча-Свеча, — подумала она холодно. — Допрыгался, дурак. Говорила я тебе...» Попыталась выдавить слезу — не получилось.

Ладно.

Она вышла из СК, нашла за забором машину — белый «мерс» 1984 года выпуска. Юрьевна села за руль, вставила ключ в замок зажигания и завела двигатель. Он ровно и мощно заработал. Машина хоть и была почти антиквариатом, но это была крутая машина, старое немецкое качество. Тевтонские мощь, основательность и скорость. Классные кожаные сиденья, деревянная отделка салона, шесть цилиндров.

В такой ее изнасиловали, а потом выбросили голой и избитой на дороге. Зимой. Девчонку пятнадцати лет.

Она поднялась и пошла, истекая кровью, по дороге, чтобы выжить... Шла и материлась так, как никогда больше. И выжила.

Ладно, машина была не такая же... Юрьевна провела ладонями по рулю, наслаждаясь ощущением.

Машина была *та же самая*.

ГЛАВА 7

Тайнственный звонок

Он помнил предыдущие события, словно они случились во сне.

Вот он пришел в полицию. Повздорил. Ударил сержанта. Вот его скрутили.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Крик Ани. Суета.

Камера. Снятие показаний. Денис отвечает путано и носложно.

Полицейских человек пять. Кто-то на кого-то орет... Потом двое по очереди орут на Дениса. Один спрашивает спокойно и даже сочувственно. Голова болит зверски.

Палец (отсутствующий) пульсирует в другой вселенной.

«Ты убил? Мы просто спрашиваем... Чистосердечное признание облегчает...» Денис наконец смеется — страшно и безумно, даже для себя самого.

— Я знаю, где еще куча трупов, — говорит Денис. Полицейские переглядываются. — Хотите?! Доктор Чистота — вы ведь его ищете? Хотите посмотреть на его работу?

Денис смотрит на полицейского (это какой-то майор) и говорит, говорит.

Полицейский меняется в лице. Что-то приказывает другому, тот убегает. Денису все хуже. Вокруг все темнее.

— Где это? — спрашивают его. — Где? Парень, про-снись!

Денис не может сказать. «Я не помню», — думает он. Потом его озаряет.

— Телефон Степыча, — говорит он. — В машине, разряжен, правда. Но если зарядить... GPS-навигатор. Там по отметке та больница.

Кровь сквозь повязку на искалеченной руке капает на пол... Целая лужа на полу. Повязка набухла. Вот кровь течет уже потоком. Головокружение и отдаляющиеся голоса.

Вот кто-то куда-то бежит. Резкие голоса. Падающая набок комната.

— Что с ним?! — Его снова тормозат и спрашивают.

Денис падает. Все взмывает и улетает куда-то к чертовой матери.

— Адвоката, — вместо Дениса словно говорит другой человек. Денис чувствует, как медленно, тяжело шевелятся его пересохшие губы. — Мне нужен адвокат...

— «Скорую»! — кричит кто-то. — Быстрее, ну!

Темнота.

Блаженная темнота.

Блаженная, блаженная, блаженная темнота.

Можно не помнить.

Можно не быть.

Дениса нет.

* * *

Очнулся он уже в больнице, отмытый и перевязанный. Денис лежал голый, под простыней, на койке в отдельной палате. Вокруг все белое. У дверей стоял полицейский. С Денисом коротко переговорила женщина-врач, кивнула и вышла. Появился еще один полицейский, капитан, который задал пару вопросов, потом объяснил, что сейчас к Денису придет государственный адвокат.

Так и вышло. Скоро адвокат появился. Сел к столу рядом с кроватью и начал заполнять бумаги — словно Дениса здесь нет. «Прекрасная клиентоориентированность», — ядовито съязвил бы прежний Денис. Этому, пережившему ночь в компании с маньяком, было все равно.

Имя-фамилию госадвоката Денис не запомнил, хотя тот и представился. Невзрачный дядечка с самоуверенными манерами задал Денису пару вопросов, выслушал, но, кажется, его это не очень интересовало. Единственное, что он объяснил Денису, — по месту уже выехали полицейские и они там в шоке. Куча трупов, как Денис и говорил. И пожар. И да, та самая «скорая», на которой сбежали заключенные, найдена около больницы. Теперь наряды пожарных тушат огонь, охвативший здание, чтобы полицейские могли зайти внутрь.

— Ты теперь пойдешь как свидетель, — сказал адвокат. Протянул Денису телефон — смартфон-китаец, дорогой и стильный. — Все худшее позади. Вот, возьми

ДОКТОР ЧИСТОТА

телефон. Можешь позвонить родственникам, сказать, где ты. Только недолго. И все, расслабься, худшее позади.

«АДЕКВАТНЫЕ ЛЮДИ. АГА-АГА».

— А нападение на полицейского? — спросил Денис хрипло. Адвокат подумал и пожал плечами.

— Ну, дел ты натворил, конечно. Ладно, разберемся. У тебя состояние аффекта, стресс, я понимаю. Хотя это отдельное дело. Кстати, можешь подать жалобу в прокуратуру на неправомочные действия дежурного. Но я думаю, разурлим полюбовно, они тоже были сильно не правы — ты, главное, отвечай честно и открыто на все вопросы, это важно... Понимаешь?

Денис молчал, желваки напряглись вокруг рта. Он почему-то сразу понял, что адвокат не на его стороне.

— Звони, я сейчас вернусь, — сказал адвокат. Пошел к выходу из палаты.

Денис тупо смотрел ему в спину, потом спохватился.

— А девушка? — запоздало окликнул он адвоката. — Девушка, что я привез. Аня?

Спина остановилась. Адвокат обернулся, пожал плечами. Лицо у него было устало-самодовольное. Кажется, он хотел зевнуть, но сдерживался.

— Не знаю. Увезли в больницу, кажется, — сказал адвокат. — Придет следователь, спросишь.

— А...

— Код разблокировки ноль-ноль-ноль и дальше. Позвони. А то там волнуются. Да, телефон не поцарапай, новенький совсем... Я пока кофе выпью. Здесь же есть кофе?

Адвокат вышел.

Денис тупо смотрел на телефон в своей левой, здоровой руке. Положил его на одеяло, посмотрел на израненную правую. Ее перебинтовали заново, хорошо и качественно. Дали Денису таблетку обезболивающего и антибиотики. Но теперь рука болела — словно повязка была слишком

тугой. Денис с трудом удержался, чтобы не попробовать ослабить бинт.

Выругался сквозь зубы. Терпи, сказал он себе.

Как спортсмену, травмы ему были не впервой. Правда, надежда на то, что отрезанный палец найдут и пришьют на место, была призрачной (он слышал о таких случаях, а один приятель рассказывал, что случайно отрубил себе палец топором, но сразу сообразил и сунул его в снег до приезда «скорой»). От слова «скорая» Денису чуть снова не поплохело.

Он вспомнил ту «скорую», стоящую у больницы. Черт, знать бы тогда... «Да я бы за сто километров обошел бы ту больницу и ту «скорую».

Он решился. Помедлил и, придерживая телефон забинтованной рукой, левой набрал номер, который помнил наизусть.

«Папа». Денис помедлил, выдохнул. «Что бы я только не отдал, лишь бы не звонить и не сообщать того, что сейчас сообщу...»

Гудок. Гудок. Гудок...

На седьмом звонок сбросился, телефон сообщил, что абонент вне зоны доступа, перезвоните позже.

Денис выдохнул и откинулся на подушку. Белая и чистая, как хорошо. Он прикрыл глаза, только сейчас осознав, насколько смертельно устал за прошлые сутки. «Я буду спать день и два... и всю неделю. Весь месяц». Всю жизнь.

Денис прикрыл глаза. И незаметно для себя провалился в сон.

* * *

Красные и черные сполохи, круги, квадраты, треугольники, провалы. Мучительные геометрические фигуры, в которые он проваливался, как в кошмарную яму, полную черно-красных видений. И падал. Падал. И падал. Он знал, что это сон, но не мог проснуться.

ДОКТОР ЧИСТОТА

Денис открыл глаза. Во рту сухо, сердце стучало ускоренно и как-то натужно, с замираниями. Подташнивало.

Обезвоживание, подумал Денис. Надо было залить в себя жидкости и электролитов перед сном. С таким остачным после пьянки идти на тренировку — это смертельный трюк, не каждому по плечу. Сегодня же тренировка? Придется идти, а то Паханых будет взбухать. И так уже две недели пропустил.

Паханых — Павел Иванович — был тренером старой советской закалки. Новые методики он не признавал (хотя и отслеживал), а старый способ у него был один — иди в зал и вкалывай до потери пульса.

Сердце билось в груди, с натугой перекачивая загустевшую, тяжелую кровь. Денис поморщился. Пульс все так же оставался частым. Стресс? Может быть, стресс. Черт знает. Выходной же вроде? Денис повернулся на другой бок, натянул одеяло. И вдруг вспомнил.

Денис резко открыл глаза. Перед глазами был белый потолок, по нему бежала неровная трещина.

Запах крови и гнили лез в нос... Денис моргнул. Трещина исчезла. Запах тоже исчез, сменился на стерильно химический. Похоже, измученный стрессом мозг продолжал подкидывать свои фокусы...

Едкий запах больницы. Денис вспомнил, как в детстве лежал в больнице — один, с мамой. Видимо, тогда ему было года три-четыре. Чем он болел? «Не помню», — подумал Денис. Какая уже разница... Он вдруг ясно увидел, как маленький Денис встает и выглядывает в окно. И видит отца.

Отец стоял под ветвями и ждал. Маленький Денис закричал ему, но было понятно, что отец не слышит.

Отец стоял, смотрел по сторонам, а в один момент задрал голову. И взглянул на Дениса.

«Просто совпадение». Ага-ага.